

МАРТА ОЛЬХОВА

Пекарня под жёлтым фонарём

Чаячья Губа : книга первая

Марта Ольхова

Пекарня под жёлтым фонарём

«Автор»

2026

Ольхова М.

Пекарня под жёлтым фонарём / М. Ольхова — «Автор», 2026

Ульяна устала справляться одна, и тут ей достаётся в наследство старая пекарня в туманном северном городке, где часы на ратуше идут назад. Пекарня не пускает чужих, домовый ворчит из печи, метла сплетничает, а шестилетняя Тася первой видит всех духов и первой понимает: каждый рецепт из бабушкиной тетради возвращает кому-то в городе потерянное. Только часы отсчитывают долг морю, и молчаливый часовщик знает, кто его заплатил. Тёплая зимняя сказка для взрослых про маму, дочку и северное море.

© Ольхова М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Наследство с запахом корицы	6
Глава 2. Тетрадь, которая не открывается	11
Глава 3. Печь просыпается	16
Глава 4. Смех для почтальонши	21
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Марта Ольхова

Пекарня под жёлтым фонарём

Марта Ольхова

Пекарня под жёлтым фонарём

Серия «Чаячья Губа». Книга первая

* * *

Глава 1. Наследство с запахом корицы

Письмо пришло в среду, в тот час, когда Ульяна Кострова сидела на краю ванны и считала.

Считать она умела лучше всего на свете. За это ей и платили в конторе на Обводном канале, где она восьмой год сводила чужие балансы. Сейчас она считала своё: кредит за холодильник, долг за садик, лекарство от кашля, которое в аптеке у дома стоило как обед на двоих. В комнате спала Тася, горячая и розовая, с мокрой чёлкой на лбу. Градусник на тумбочке показывал тридцать семь и девять, и Ульяна уже дважды проверяла, не ошиблась ли.

Конверт она достала из ящика ещё утром и забыла в сумке. Плотная бумага, синий штамп нотариальной конторы, адрес выведен от руки, аккуратным круглым почерком. Город отправления она прочитала два раза, прежде чем поверила, что такой существует.

Чаячья Губа.

«Уважаемая Ульяна Сергеевна, — писал нотариус Евсеев. — Сообщаю вам, что согласно завещанию Костровой Аграфены Ильиничны, скончавшейся 14 октября сего года, вы являетесь единственной наследницей принадлежащего ей имущества, а именно: жилого дома с нежилым помещением первого этажа (пекарня-чайная "Жёлтый фонарь") по адресу: г. Чаячья Губа, ул. Кривая Солёная, д. 7, а также предметов обихода, включая рукописную тетрадь, которую покойная просила передать вам лично в руки».

Ульяна положила письмо на колени и посмотрела на кафель. Кафель был бледно-зелёный, с трещиной в углу, и на нём ничего не было написано.

Никакой Аграфены Ильиничны она не знала. Мама никогда не говорила о родне со стороны бабушки. Бабушка Лида умерла, когда Уле было одиннадцать: перед Новым годом уехала на север, «к старой знакомой», и утонула там в шторм. Об этом в семье не говорили тоже. От бабушки остались фотография в серванте, привычка класть в тесто щепоть соли «на счастье» и колыбельная, которую Ульяна, сама того не замечая, пела Тасе каждый вечер.

— Мама, — позвали из комнаты. — Ты где?

— Здесь, зайчик.

— Ты опять считаешь?

Ульяна сунула письмо в карман халата и пошла поить дочь водой.

* * *

Через девять дней они ехали на север.

Решение заняло одну ночь. Ульяна лежала рядом с Тасей, слушала, как та сопит заложенным носом, и думала. Начальник сказал ей на прошлой неделе, что «отдел оптимизируют». Хозяйка квартиры подняла плату с декабря. В садике Тася болела через неделю и возвращалась бледная, с синяками под глазами. А где-то у Белого моря стоял дом, который был ничей, пока она его не возьмёт.

«Посмотрим и продадим», — сказала себе Ульяна. Посчитала стоимость билетов, вычла из подушки безопасности, подушка похудела и стала больше похожа на коврик. Зато весной можно будет закрыть кредит.

Нотариусу она позвонила утром, из коридора, пока Тася ела манную кашу с вареньем. Голос в трубке был старческий, неторопливый, с мягким северным «о».

— Кострова? Хорошо, что позвонили. Я уж думал, письмо в туман ушло. У нас бывает.

— Простите, — сказала Ульяна, — я, наверное, не та Кострова. Я никакой Аграфены Ильиничны не знаю.

— Зато она вас знала, — сказал нотариус Евсеев. — Год вашего рождения, имя вашей матери, адрес на Лиговском. Она всё записала. И дочку вашу упомянула. Таисия, верно?

Ульяна помолчала. По спине у неё прошёл холодок, как от открытой форточки.

— Откуда?

— Этого она мне не докладывала. Аграфена Ильинична вообще мало кому докладывала. — Он кашлянул. — Ключ я вам выслал. Документы подпишем, когда приедете. И ещё одно. Это не условие завещания, юридически это ничего не значит. Просто её просьба.

— Какая?

— Не продавать дом до Нового года. Пожить в нём хотя бы до Солнцеворота. Она сказала: «Пусть поживёт, а там сама решит».

— Мне надо работать, — сказала Ульяна. — У меня ребёнок.

— Конечно, — согласился нотариус. — Я передал. Остальное ваше дело.

Он попрощался и повесил трубку. Ульяна долго стояла в коридоре с телефоном в руке. Из кухни Тася спросила, можно ли ещё варенья, и Ульяна сказала «можно», хотя варенья почти не осталось.

Начальнику она написала в тот же день. Попросила две недели за свой счёт. Начальник ответил через минуту: «Можете не торопиться». Ульяна перечитала это три раза и поняла, что оптимизация её отдела уже случилась, просто ей забыли сказать.

Поезд шёл почти сутки. Тася смотрела в окно и коллекционировала слова. У неё была тетрадка с котёнком на обложке, и туда Ульяна записывала под диктовку всё, что дочери нравилось на слух.

— Запиши «полустанок», — говорила Тася.

Ульяна записывала.

— И «Медвежьегорск». Это где медведи живут на горе?

— Наверное, раньше жили.

— А куда они делись?

— Переехали.

— В Петербург? — с надеждой спросила Тася.

— В лес, — сказала Ульяна. — Медведям в Петербурге дорого.

Тася подумала и согласилась.

Ближе к ночи, когда в вагоне погасили верхний свет, она вдруг спросила, глядя в тёмное окно:

— Мам. А эта бабушка Груша, она нам кто?

— Двоюродная бабушка. Мне. А тебе прабабушка, получается. Двоюродная.

— А почему мы её не знали?

Ульяна помолчала. Поезд стучал на стыках, за окном проплывали редкие огни.

— Не знаю, зайчик. Моя мама никогда про неё не рассказывала. Наверное, они поссорились. Взрослые иногда ссорятся и потом много лет не разговаривают.

— Из-за чего?

— Не знаю.

— А ты со мной поссоришься так?

— Никогда, — сказала Ульяна, и это было единственное, в чём она за последний месяц была уверена совершенно.

Тася удовлетворённо кивнула, забралась к ней под бок и уснула. Ульяна долго не спала. Она смотрела в окно, где отражалось её собственное лицо, бледное, с тенями под глазами, и пыталась вспомнить, говорила ли бабушка Лида хоть раз про север, про море, про сестру. Вспоминалась только колыбельная и запах корицы по субботам.

Потом был автобус, старый, с печкой, которая грела только ноги водителя. За окном тянулись ели, тёмные и мокрые, низкое небо лежало прямо на их верхушках. Связь пропала через час после Кеми, и Ульяна с облегчением спрятала телефон. Тася задремала у неё на плече. Пахло бензином, чьими-то мандаринами и шерстью шарфа.

— Губа, — сказал водитель, когда за окном стемнело, хотя на часах было только начало пятого.

Тася подняла голову с маминого плеча.

— Губа? — переспросила она хрипло. — Как у человека?

— Как у моря, — сказал водитель, не оборачиваясь. — Залив по-нашему. Конечная. Вам на Кривую Солёную? Это от площади вниз, к морю. Там спросите, все знают.

Они вышли в туман.

Ульяна никогда не видела такого тумана. Он был густой и мягкий, желтоватый в свете фонарей, и пах морем, водорослями, дымом из печных труб. Он лежал на площади, на брусчатке, на крышах низких деревянных домов, и сквозь него всё казалось немного ненастоящим. Где-то кричали чайки, сварливо и коротко. Где-то внизу, невидимое, дышало море.

Тася проснулась окончательно и взяла маму за руку.

— Мама, — сказала она. — Тут пахнет сказкой.

— Тут пахнет рыбой, — ответила Ульяна, но крепче сжала маленькую варежку.

Посреди площади поднималась ратуша, двухэтажная, с башенкой. В башенке светился циферблат. Белый, большой, с чёрными римскими цифрами, он висел над туманом второй луной. Ульяна по привычке сверила с ним телефон. Телефон показывал без двадцати пять. Ратуша показывала двадцать минут восьмого.

— Отстают, — сказала Ульяна. — Или спешат. На два с половиной часа.

— Мам. — Тася дёрнула её за руку. — Они не спешат. Они назад.

— Кто назад?

— Часы. Смотри.

Ульяна посмотрела ещё раз. Минутная стрелка дрогнула и переползла на одно деление влево, против хода.

Она моргнула и подождала. Стрелка дрогнула снова и опять ушла влево. Девятнадцать минут восьмого. Восемнадцать.

— Сломались, наверное, — сказала Ульяна неуверенно.

— Они не сломались, — сказала Тася. — Они идут. Только в другую сторону. Как я, когда задом наперёд хожу.

Мимо прошла женщина в длинном пальто и вязаной шапке. Она глянула на ратушу, пошевелила губами, что-то в уме вычитая, и пробормотала: «Без двадцати пять, опоздала». Ульяна хотела её окликнуть и не стала. Женщина уже ушла в туман, и туман закрылся за ней, как занавеска.

— Мам, запиши, — шепнула Тася. — «Ратуша».

— Это слово ты знаешь.

— Это я знаю, а такую ратушу нет.

* * *

Кривая Солёная улица и правда была кривая. Она сбегала от площади вниз, петляла между заборами, делала крюк вокруг старой липы, и с каждым поворотом море становилось громче. Дома здесь стояли тесно, двухэтажные, деревянные, с резными наличниками. В окнах горел свет. В одном окне на подоконнике сидел рыжий кот и смотрел на них с выражением глубокого сомнения.

Дом номер семь стоял на углу, там, где улица выходила к причалу. Ульяна узнала его раньше, чем увидела номер.

Он был выше соседей и шире, на первом этаже большие окна в мелкий переплёт, заколоченные изнутри плотной бумагой. Над дверью висел фонарь на кованом крюке, круглый, с жёлтым стеклом. Фонарь не горел. Над окнами шла вывеска, но буквы на ней были закрашены серой краской, и разобрать удалось только «Ж» в начале. Крыльцо в три ступеньки, перила,

на перилах снег. Первый снег, наверное, лёг только сегодня, потому что был тонкий и чистый, без единого следа.

— Это наш дом? — шёпотом спросила Тася.

— Это... — Ульяна искала слово. — Это дом, который нам оставили.

— Значит, наш.

Ключ лежал в конверте от нотариуса, длинный, железный, с узорной головкой. Ульяна поднялась на крыльцо,插入了 ключ в скважину и повернула.

Ключ не повернулся.

Она попробовала в другую сторону. Потом подёргала дверь. Потом вынула ключ, посмотрела на него,插入了 обратно и повернула снова, с усилием, двумя руками. Ключ стоял в замке, как вмёрзший.

— Прекрасно, — сказала Ульяна в туман. — Просто прекрасно.

Было уже совсем темно. Тася переступала с ноги на ногу, и Ульяна знала, что у неё мёрзнут пальцы, потому что ботинки прошлогодние и тесные. Чемодан стоял у ступенек. Где тут гостиница и есть ли она вообще, Ульяна не знала. Телефон показывал одну полоску связи и восемь процентов заряда.

— Дай я, — сказала Тася.

— Солнышко, тут заело. Надо будет завтра найти слесаря.

— Дай я попробую.

Ульяна вздохнула и отступила. Тася стянула варежку, встала на цыпочки и взялась за головку ключа. Пальчики у неё были красные от холода.

Ключ повернулся сам, мягко, без скрипа, с тихим щелчком где-то глубоко в двери. Над их головами в тёмном фонаре что-то коротко вспыхнуло, жёлтым, и тут же погасло, как будто кто-то спросонья приоткрыл один глаз и решил, что вставать рано. Дверь подалась вперёд. Из темноты пахнуло холодом, пылью, сушёными яблоками и ещё чем-то сладким и пряным, очень старым.

Корицей, поняла Ульяна. Там пахло корицей.

— Видишь, — сказала Тася. — Он меня ждал.

— Кто?

— Дом. А фонарь моргнул. Ты видела, как он моргнул?

— Это отражение, — сказала Ульяна. — От фонаря на столбе.

Тася оглянулась на улицу. Фонарь на столбе стоял шагах в тридцати и светил белым, а не жёлтым.

— Ну-ну, — сказала Тася голосом воспитательницы Ангелины Петровны и шагнула через порог.

Ульяна подхватила чемодан и вошла следом.

* * *

Выключатель нашёлся у двери, на привычной высоте. Лампочка под потолком мигнула, загудела и загорелась, тускло, но честно.

Они стояли в небольшом зале. Справа тянулся прилавок, деревянный, тёмный, отполированный тысячами локтей. За прилавком поднимались полки до самого потолка, на полках стояли жестяные банки, расписанные цветами и птицами, стеклянные кувшины, глиняные горшки, корзинки. Слева у окон три круглых столика и стулья с гнутыми спинками, на одном стуле забытая кем-то вязаная подушка. В глубине зала, за аркой, угадывалась кухня и огромная белёная печь, занимавшая почти всю стену. На стене у арки висели часы с маятником. Маятник не двигался.

Всё было покрыто тонким слоем пыли, но не запущено. Кто-то здесь недавно жил, и жил аккуратно. На прилавке лежал фартук, сложенный вчетверо. Рядом с кассой стояла фарфоровая чашка с засохшим чайным следом на доннышке.

Ульяна поставила чемодан и вдруг поняла, что не знает, что делать дальше. Обычно она знала. Обычно у неё был план, список, таблица. А тут она стояла посреди чужой пекарни в чужом городе, где часы шли назад, и не помнила даже, есть ли у неё в сумке зарядка от телефона.

— Мам, — сказала Тася. — Тут красиво.

Она уже ходила между столиками, трогала спинки стульев, заглядывала под прилавки. Щёки у неё порозовели. Ульяна посмотрела на неё и подумала, что за весь этот месяц в Петербурге ни разу не видела у дочери таких блестящих глаз.

— Красиво, — согласилась она. — Только холодно. Давай посмотрим, где тут спальня, и найдём одеяла. А завтра со всем разберёмся.

— А печку можно затопить?

— Завтра, зайчик. Я не умею топить такие печки. Ещё спалим наследство в первый же вечер.

Тася хихикнула. Ульяна сняла шапку, стряхнула с неё капли тумана и оглянулась в поисках вешалки. Вешалка нашлась у двери, деревянная, с оленьими рогами вместо крючков. Рядом, в углу, стояла метла. Обычная метла из берёзовых прутьев, перевязанная красной лентой, с ручкой, тёмной от времени.

Ульяна повесила шапку на рога, взяла дочь за плечо и сделала шаг к арке, туда, где виднелась лестница наверх.

Тася вдруг остановилась.

Она смотрела в угол. На метлу. Смотрела внимательно, с тем серьёзным выражением, с каким обычно слушала сказки, и губы у неё чуть шевелились.

— Тасенька, ты что?

— Мама, — очень вежливо сказала Тася. — Она говорит, чтобы мы вытерли ноги.

— Кто говорит?

— Метла.

Ульяна посмотрела на метлу. Метла стояла в углу. Прутья у неё чуть подрагивали, но это, конечно, был сквозняк из приоткрытой двери.

— Тася, — начала Ульяна тем голосом, каким говорят «давай не будем фантазировать, мы обе устали».

Но Тася уже повернулась к углу, сделала маленький книксен, которому её научили в садике на утреннике, и ответила кому-то, кого Ульяна не видела и не слышала:

— Извините, пожалуйста. Мы сейчас вытрем.

Потом она вернулась к двери, старательно пошаркала ботинками по коврику и выжидающе посмотрела на маму.

— Ты тоже, — шепнула она. — Она говорит: «Ноги вытирайте. Я тут не для красоты стою».

* * *

Глава 2. Тетрадь, которая не открывается

Утром Ульяна проснулась от того, что кто-то подметал.

Звук был мирный, домашний, шуршащий: ширк, ширк, пауза, ширк. Она лежала под тремя одеялами в широкой деревянной кровати, на втором этаже чужого дома, и сначала не могла понять, где находится. Потолок низкий, с балками. Окно в морозных узорах. На подушке рядом сопела Тася, свернувшись калачиком, нос уже не заложенный, щёки нормального цвета. Ульяна потрогала её лоб. Прохладный.

Ширк, ширк.

Она выбралась из-под одеял, охнула от холода, нашарила свитер и спустилась по скрипучей лестнице.

В зале никого не было. Сквозь заклеенные бумагой окна пробивался серый утренний свет. Пол у прилавка блестел, чистый, и пыль с него была аккуратно сметена в кучку у порога. Метла стояла в углу, где и вчера. Прутья у неё чуть шевелились.

Ульяна долго смотрела на метлу. Метла стояла.

— Ладно, — сказала Ульяна вслух. — Ладно. Сквозняк.

Она вернулась наверх, разбудила Тасю и одела её в два свитера.

* * *

Кухня за аркой оказалась огромной. Печь занимала почти всю стену: белёная, с чёрным зевом, с лежанкой наверху, с какими-то нишами и дверцами по бокам. Рядом стоял длинный стол, выскобленный до белизны, над столом висели на крюках сита, скалки, медные формы. В углу притулилась маленькая газовая плита на две конфорки, явно поставленная позже, и Ульяна обрадовалась ей, как родной. Газ был. Чайник нашёлся. Чай нашёлся тоже, в банке с надписью «Для гостей».

— А мы гости? — спросила Тася, глядя, как мама засыпает заварку.

— Мы наследники.

— Это лучше или хуже?

— Это дороже, — сказала Ульяна и поставила перед ней чашку.

Тася держала чашку двумя руками и смотрела куда-то в сторону зала. Потом кивнула, будто кто-то с ней разговаривал.

— Мам. Её зовут Маруся.

— Кого?

— Метлу. Она просит передать, что она не сквозняк. И что она тебя прощает, потому что ты с дороги.

Ульяна поставила свою чашку на стол.

— Тася. Метлы не разговаривают.

— Эта разговаривает, — терпеливо сказала Тася. — Просто ты не слышишь. Она говорит, это нормально. Взрослые сначала не слышат. Потом начинают.

— А если не начинают?

Тася прислушалась.

— Тогда она говорит, что им же хуже, — перевела она. — И ещё говорит, что у тебя свитер наизнанку.

Ульяна посмотрела на свитер. Шов шёл по плечу снаружи, и бирка торчала у горла. Она стянула свитер через голову, вывернула и надела обратно, и всё это время старалась не смотреть в сторону зала.

— Скажи Марусе спасибо, — произнесла она наконец.

— Сама скажи, — ответила Тася. — Она же слышит.

* * *

В половине девятого в дверь постучали.

Ульяна открыла не сразу. Она стояла в коридоре с тряпкой в руке, волосы собраны кое-как, на щеке, кажется, пыль. За дверью оказался высокий мужчина в тёмном бушлате и вязаной шапке, с плоским деревянным ящиком под мышкой. Лицо у него было худое, обветренное, под глазами лежали тени, глубокие, как от давней бессонницы. Глаза светлые, серые, очень внимательные.

— Доброе утро, — сказал он. — Я Вешняков. Глеб. Часовщик.

— Кострова, — сказала Ульяна. — Ульяна. Наследница.

Вышло глупо, как в анкете. Он кивнул, словно ничего глупого в этом не было.

— Аграфена Ильинична просила заводить ей часы по четвергам. — Он показал подбородком в сторону зала. — Те, с маятником. И передать вам вот это.

Он вынул из кармана ключ, маленький, латунный, с биркой из картона. На бирке было выведено тем же круглым почерком, что и в письме нотариуса: «Погреб. Уле».

Ульяна взяла ключ. Пальцы у часовщика были холодные, с мелкими порезами и пятнами масла.

— Сегодня не четверг, — сказала она.

— Сегодня нет, — согласился Глеб. — Но они стоят. Можно?

Она посторонилась. Он вошёл, вытер ноги о коврик с особенной тщательностью и поздоровался куда-то в угол. Тихо, одним кивком. Ульяна посмотрела туда, куда он кивнул. В углу стояла метла.

Тася выглянула из кухни, оценила гостя с головы до ног и спросила:

— А вы тоже её слышите?

Глеб остановился посреди зала. Помолчал. Потом присел на корточки, чтобы оказаться с Тасей вровень.

— Нет, — сказал он. — Я не слышу. Но здороваться всё равно надо.

— А она говорит, вы хороший, — сообщила Тася. — Только неразговорчивый. Как табуретка.

Ульяна закрыла глаза. Когда она их открыла, часовщик улыбался. Улыбка у него была неожиданная, короткая, она пряталась в углу рта и тут же уходила обратно.

— Это она мне ещё польстила, — сказал Глеб.

Он подошёл к часам у арки, открыл стеклянную дверцу, достал из ящика ключ-заводку и принялся за дело. Работал он молча, сосредоточенно, и Ульяна поймала себя на том, что смотрит на его руки. Руки двигались точно и бережно, как у хирурга или у человека, который держит птенца. Через минуту маятник качнулся, раз, другой, и по залу поплыл ровный стук.

— Эти идут вперёд? — спросила Ульяна.

— Эти идут правильно.

— А те, на ратуше?

Он закрыл дверцу. Подержал ладонь на стекле дольше, чем было нужно.

— Те тоже правильно, — сказал он. — Просто по-своему.

И больше ничего не объяснил. Ульяна хотела спросить ещё, но он уже взял свой ящик и пошёл к выходу. На пороге обернулся.

— Тетрадь на полке за прилавком, — сказал он. — Синяя. Она не откроется, если тянуть. Не тяните.

— А как тогда?

— Аграфена Ильинична говорила, она сама знает когда.

Дверь закрылась. Где-то наверху, в тумане, далеко и глухо, пробили часы на ратуше. Ульяна насчитала три удара, хотя было почти девять.

* * *

Тетрадь и правда стояла на полке за прилавком, между жестянкой с надписью «Кардамон» и стопкой старых счетов. Толстая, в синем кожаном переплёте, потёртом на углах, с медной застёжкой. Застёжка держала крепко.

Ульяна положила тетрадь на прилавок и посмотрела на неё. Бухгалтерская часть её души требовала открыть немедленно: опись, инвентаризация, всё по порядку. Она взялась за застёжку и потянула. Застёжка не поддавалась. Она потянула сильнее. Медный язычок даже не шелохнулся, хотя на вид в нём не было ничего сложного, обычный крючок и петелька.

— Мама, он же сказал не тянуть, — напомнила Тася из-под прилавка, где она изучала коробку с пуговицами.

— Я не тяну. Я проверяю.

— Ты тянешь.

Ульяна отпустила застёжку и вздохнула. Взгляд её упал на жестянку рядом, расписную, с синими птицами и надписью «Чай. Иван-да-марья». Крышка сидела неплотно, и из-под неё торчал уголок бумаги.

Внутри вместо чая лежал конверт. На конверте было написано: «Уле. Прочитай за чаем, а не на бегу».

Ульяна заварила чай. Села за круглый столик у окна, тот, где лежала вязаная подушка. Подушку переложила себе за спину. И распечатала письмо.

«Здравствуй, Уля.

Ты меня не знаешь, а я тебя знаю давно, и это нечестно, но так вышло. Я твоя двоюродная бабка, Аграфена Ильинична, на Губе меня звали бабой Грушей, кто помоложе, и Аграфеной Ильиничной, кто побаивался. Если ты читаешь это, значит, я уже не топлю печь, а ты сидишь в моём зале и пьёшь мой чай. Надеюсь, ты взяла не из банки "Для гостей", там старый. Хороший в банке с птицами. Хотя в банке с птицами сейчас письмо. Ну, значит, пей что есть.

Объяснять я тебе ничего сразу не стану. Ты бухгалтер, я знаю, ты захочешь всё по графам разложить. Не выйдет. Тут графы другие. Поживи, посмотри. Слушай Тасю, она у тебя умница. Слушай метлу, она знает всё, но верь ей наполовину: Маруся любит приукрасить.

Тетрадь не насилуй. Она упрямая, в меня.

И не продавай дом Пышкину. Он придёт, вот увидишь, сегодня же или завтра. Улыбнётся, усами пошевелит. Пусть шевелит.

Целую тебя, девочка. Прости, что не позвала раньше. Боялась.

Твоя А. И. К.

P.S. Соль в тесто клади щепотью, на счастье. Ты ведь так и кладёшь, правда? Лида так клала».

Ульяна перечитала последнюю строчку. Потом ещё раз. Лида так клала. Бабушку звали Лидией. Бабушка всегда бросала в тесто щепоть соли, приговаривая «на счастье», и маленькая Уля тоже бросала, и до сих пор бросала, сама не зная зачем.

Чай остыл. Она так и не сделала ни глотка.

* * *

Евламий Пышкин пришёл после обеда.

Сначала Ульяна услышала его голос, раскатистый, бархатный, привыкший, чтобы его слушали. Потом увидела в окне сквозь щель в бумаге: невысокий круглый человек в длинном пальто с меховым воротником, в шляпе, с тростью, которая ему была совершенно не нужна. За ним шла худая молодая женщина с блокнотом в руках и выражением вечной готовности что-нибудь записать.

Он постучал тростью в дверь. Дверь открылась раньше, чем Ульяна до неё дошла. Открылась и тут же качнулась обратно, едва не задев его по шляпе.

— Сквозняки, — сказал Пышкин, придерживая шляпу. — Старое здание. Евлампий Аркадьевич Пышкин, глава пекарской гильдии Чаячьей Губы, владелец «Сдобного двора». Моя помощница Нонна. А вы, если не ошибаюсь, наследница?

— Кострова, — сказала Ульяна, решив больше не говорить «наследница».

Пышкин снял шляпу и поклонился. Усы у него были пышные, рыжеватые, закрученные вверх, и они действительно шевелились, когда он улыбался.

— Примите соболезнования. Аграфена Ильинична была... — он поискал слово, — незаурядной женщиной. Мы с ней, знаете ли, не всегда сходились во взглядах на ремесло. Но я её уважал. Безусловно уважал.

Нонна в блокноте что-то быстро записала. Ульяна подумала, что, наверное, «уважал».

— Не буду ходить вокруг да около, — продолжил Пышкин и оглядел зал взглядом, каким осматривают товар на рынке. Взгляд задержался на печи, на полках, на прилавке. — Вам, полагаю, это здание ни к чему. Вы человек городской. Работа у вас там, жизнь. А мне бы пригодилось. Расширение, понимаете. Филиал. Я готов предложить хорошие деньги.

Он назвал сумму. Ульяна держала лицо. Она умела держать лицо на совещаниях, когда начальник называл цифры, от которых хотелось сесть. Сумма закрывала кредит. Сумма закрывала долг за садик, и ещё оставалось на год аренды, и на зимние ботинки Тасе, и на зимние ботинки себе.

В углу метла упала. Громко, со стуком, прямо на начищенный ботинок Пышкина.

— Ай! — сказал глава гильдии.

— Ой, — сказала Тася из кухни. — Маруся, ну зачем.

Пышкин посмотрел на метлу. Потом на Ульяну. Потом снова на метлу. Нонна перестала писать.

— Сквозняки, — повторил Пышкин чуть менее уверенно и отодвинул ногу.

— Я подумаю, — сказала Ульяна. — Мне нужно время. Я только приехала.

— Разумеется, разумеется. — Он снова надел шляпу. — Только не затягивайте. Зима, знаете ли. Здание старое. Печь, говорят, капризная. Без хозяйки она и вовсе... — Он не договорил, усмехнулся. — Всего доброго, Ульяна...

— Сергеевна.

— Ульяна Сергеевна.

Когда за ними закрылась дверь, Ульяна подняла метлу и поставила её обратно в угол. Поддержала в руке чуть дольше, чем нужно. Ручка была тёплая, гладкая, как живая.

— Это было лишнее, — сказала она метле.

Прутья шевельнулись.

— Она говорит, это было в самый раз, — донеслось из кухни.

* * *

Вечером Ульяна решила разобраться с печью.

Дров у печи лежала целая поленица, сухих, берёзовых. В нише нашлись спички, береста, лучина. Ульяна в детстве видела, как топят печку у бабушки на даче, и в теории всё помнила. Открыть заслонку. Положить бересту, на неё лучину, на лучину поленья колодцем. Поджечь.

Береста вспыхнула весело, с треском, закрутилась. Лучина занялась. Пламя лизнуло первое полено.

И погасло, разом, будто кто-то в печи наклонился и задул. Дымок поднялся тонкой струйкой и ушёл в трубу.

Ульяна чиркнула второй спичкой. Потом третьей. Береста горела и гасла. Лучина вспыхивала и чернела. Через полчаса у неё кончились спички в одном коробке, руки пахли серой, а печь стояла холодная, белая и равнодушная, как стена.

Тася сидела на табуретке у стола, подтянув колени, и смотрела.

— Мам, — сказала Тася. — Ты на печку дуешь, как на суп. Может, ей не нравится?

— Я её разжигаю.

— А она думает, что остужаешь.

— Не получается, — сказала Ульяна. Голос у неё вышел чужой, сиплый. — Ничего тут не получается. Дверь не открывается, тетрадь не открывается, печь не горит. Может, Пышкин прав.

Тася слезла с табуретки, подошла к прилавку и взяла синюю тетрадь. Тетрадь была тяжёлая, Тася несла её двумя руками, прижимая к животу. Положила на стол перед мамой. Погладила ладошкой по переплёту, как гладят кошку.

— Тетрадочка, — сказала она. — Пожалуйста. Мама очень устала.

Застёжка щёлкнула.

Ульяна не дышала. Тетрадь раскрылась сама, мягко, страницы перелистнулись, пахнуло корицей, сушёной мятой и старой бумагой, и остановились где-то в начале. На развороте тем же круглым почерком было выведено:

«Плюшки для смеха. Для Зои».

Ниже шёл рецепт: мука, молоко, масло, дрожжи, корица, сахар, всё в граммах и стаканах. А в самом конце, другими чернилами, мелко: «Закладка: свой смех, хоть один раз, пока месишь. Печь только в живой печи».

— Живой печи, — повторила Ульяна и посмотрела на холодный чёрный зев.

Из зала донёсся шорох. Тася повернула голову и прислушалась. Лицо у неё стало серьёзное-серьёзное.

— Что говорит? — спросила Ульяна. Сама не заметила, как спросила.

Тася помолчала, запоминая слово в слово.

— Говорит: «Печь чужих не греет. Ферапонта будить надо».

* * *

Глава 3. Печь просыпается

— Ферапонт, — сказала Тася за завтраком, с таким видом, будто представляла маме нового одноклассника. — Он домовой. Запечник. Живёт в печке, вон там, за заслонкой, где тёпленько. Только сейчас там не тёпленько, и он спит.

— Как медведь, — сказала Ульяна.

— Как медведь, только маленький. Маруся говорит, он ростом с батон. И борода у него белая от муки. И он ворчит.

— Медведи тоже ворчат.

— Мама. — Тася посмотрела на неё укоризненно. — Ты не веришь.

Ульяна намазала маслом кусок хлеба из магазина на площади. Хлеб был резиновый, безвкусный, в целлофане с надписью «Сдобный двор. Лучший хлеб Губы». Она отложила его.

— Я верю, что ты в это веришь, — сказала она осторожно. — А я пока не знаю, во что верить. Я вчера тридцать спичек сожгла.

— Тридцать две, — уточнила Тася. — Я считала.

— Спасибо.

— Маруся говорит, его надо будить. Молоком с мёдом. Поставить на загнетку, это вот эта полочка перед печкой. И позвать. Только звать должна хозяйка.

— А хозяйка кто?

Тася посмотрела на неё долгим взглядом поверх кружки с какао. Ответ был очевиден, и Ульяна сама это поняла.

* * *

Молоко нашлось в магазине на площади, мёд там же, в литровой банке, тёмный, гречишный, с пометкой «Местный, от Савватеевых». Продавщица, полная женщина в пуховом платке, долго разглядывала Ульяну и наконец спросила:

— Груши Костровой наследница?

— Да.

— Печь будешь будить?

Ульяна не нашлась, что сказать. Продавщица кивнула сама себе и положила в пакет ещё пряник в бумажке.

— Это девочке. За счёт заведения. Мёд бери тёплый, холодный он не любит.

Мёд Ульяна грела в ковшике на газовой плитке, разводила в молоке, наливала в глиняную плошку, которую Тася нашла на полке. Поставила плошку на загнетку. Встала перед печью. Почувствовала себя совершенно по-идиотски.

— Ну, — сказала Тася, — зови.

— Как?

— По имени. Вежливо.

Ульяна откашлялась. Посмотрела на чёрный зев, на холодный кирпич, на тёмную заслонку.

— Ферапонт, — сказала она. — Э-э... Ферапонт...

— По отчеству, — подсказала Тася шёпотом. — Маруся говорит, Ферапонт Печной.

— Ферапонт Печной. Здравствуйте. Я Ульяна. Это Тася. Мы теперь тут... живём. Пожалуйста, проснитесь. Мы принесли молока.

Печь молчала. Плошка стояла на загнетке. От молока поднимался лёгкий пар.

Они ждали пять минут. Потом десять. Потом молоко остыло, и Ульяна убрала его в холодильник, сказав, что попробует вечером. Тася ничего не сказала, только вздохнула очень по-взрослому.

* * *

Глеб пришёл в одиннадцать с лестницей на плече.

Ульяна в это время мыла окна изнутри, отдирая старую бумагу, и стояла на подоконнике в шерстяных носках. Она увидела его в окне раньше, чем он постучал: длинная фигура в тумане, лестница, ящик с инструментами. Он прислонил лестницу к стене дома, глянул на трубу и полез наверх, даже не зайдя.

Ульяна спрыгнула с подоконника и вылетела на крыльцо.

— Простите, вы куда?

Глеб посмотрел на неё с середины лестницы.

— Заслонка, — сказал он. — Наверху. Её с весны заклинило, Аграфена Ильинична просила посмотреть, а я не успел.

— Я вас не просила.

Вышло резко. Она сама услышала, как резко, и пожалела, но было поздно. Глеб помолчал. Шапка у него была серая от тумана, на ресницах блестели капли.

— Я не вам, — сказал он спокойно. — Я печи.

И полез дальше.

Ульяна постояла на крыльце, пока не замёрзли ноги в носках. Потом вернулась в дом и стала тереть окно с удвоенной силой. Сверху, с крыши, доносилось постукивание, скрежет металла, один раз тихое и очень выразительное слово, которое, к счастью, Тася не расслышала, потому что была занята пуговицами.

Через сорок минут он спустился. Зашёл, вытер ноги, кивнул в угол Марусе. Подошёл к печи и открыл внутреннюю задвижку, ту, которую Ульяна не нашла бы и за неделю. Внутри что-то вздохнуло, глубоко, и потянуло холодным воздухом вверх.

— Тяга есть, — сказал он. — Теперь дело за ним.

— За кем?

Он посмотрел на неё с сочувствием. Над насмешкой она могла бы посмеяться в ответ, а с сочувствием ничего не сделаешь.

— За хозяином, — сказал Глеб. — Он всегда просыпается не сразу. Его надо... чтобы он почувствовал, что тут живут. По-настоящему живут, а не проездом.

— Вы тоже в это верите.

— Я с пяти лет ем тут плюшки по воскресеньям, — сказал Глеб. — Тридцать с лишним лет. Ни разу эта печь не погасла. Ни в шторм, ни когда свет отключали на неделю. Я верю в печь.

Он собрал инструменты и ушёл, а Ульяна осталась стоять посреди кухни с мокрой тряпкой. Ей хотелось сказать «спасибо», но он уже был за дверью, и сказать было некому.

* * *

После обеда Тася попросилась на крыльцо, «подышать туманом». Ульяна разрешила, с условием не сходить со ступенек, и через пять минут выглянула проверить.

Тася сидела на верхней ступеньке не одна. Рядом с ней, на перилах, болтая ногами в валенках, примостился мальчишка лет семи, конопатый, в куртке на два размера больше и шапке с помпоном. Они о чём-то серьёзно разговаривали.

— Это Петька, — представила Тася. — Он живёт вон там, у почты. С бабушкой.

— Здравсьте, — сказал Петька и шмыгнул носом.

— Здравствуй, Петя. Ты почему на перилах? Упадёшь.

— Не упаду. Я только к морю не хожу. А перила не море.

Ульяна посмотрела вниз, туда, где в конце улицы серела вода у причала. До моря было шагов пятьдесят.

— А почему к морю не ходишь?

Петька пожал плечами и отвернулся. Уши у него покраснели.

— Он летом с причала упал, — объяснила Тася, понизив голос, как будто речь шла о тайне. — Его вытащили. А теперь он моря боится. И темноты. И у него ночник с ёжиком.

— Тася!

— Я просто уточняю.

— Ничего, — сказал Петька угрюмо. — Все знают. Бабушка говорит, это пройдёт. А не проходит.

Он слез с перил, сунул руки в карманы и пошёл вверх по улице, к площади, обходя спуск к причалу широкой дугой. Ульяна смотрела ему вслед. Мальчик шёл прямо, не оглядываясь, и только один раз, на повороте, быстро глянул через плечо туда, где шумела вода.

— Он хороший, — сказала Тася. — Он мне ракушку подарил. Только он грустный.

— Пошли в дом, — сказала Ульяна. — Холодно.

* * *

К вечеру она устала так, как не уставала давно.

Окна отмылись, и сквозь них стало видно улицу: крутой спуск к причалу, серую воду, лодки на приколе, туман над губой. Пол блестел. Тася разобрала коробку с пуговицами по цветам и выложила из них на прилавке цветов. Ульяна разобрала полки, переписала в блокнот все банки (кардамон, корица, гвоздика, сушёная морошка, бадьян, что-то без подписи, пахнущее лесом), нашла на чердаке ещё два одеяла и сундук, который не открывался, и решила, что на сегодня с неё хватит того, что не открывается.

Дом остывал. К шести вечера на кухне было градусов двенадцать. Тася ходила в куртке. Электрический обогреватель, найденный наверху, щёлкал и пах палёной пылью, но толку от него было мало.

Ульяна вышла в кладовку за мукой, потому что надо было чем-то накормить ребёнка, и там, между мешком муки и полкой с банками, вдруг остановилась.

Она стояла и не могла сдвинуться. Плечи свело. В горле стоял ком, большой и твёрдый, как непропечённая булка. Ей было тридцать один год, у неё не было работы, не было мужа, не было мамы, не было денег, был ребёнок в куртке на холодной кухне, был чужой дом, где всё говорило, кроме неё самой. И не было никого, совсем никого, кому можно было позвонить и сказать: «Мне тяжело».

Она заплакала. Тихо, зажав рот ладонью, чтобы Тася не услышала. Слёзы текли сами, горячие, злые, и капали на мешок с мукой, оставляя тёмные круглые пятнышки.

Что-то коснулось её ноги.

Ульяна опустила глаза. Возле её носков, на полу кладовки, стояла метла. Ульяна не слышала, как она пришла. Прутья лежали у её щиколотки, легко, почти невесомо, и чуть-чуть шевелились. Подметать тут было нечего.

Ульяна смотрела на метлу и плакала, и метла никуда не уходила.

— Спасибо, — шёпотом сказала Ульяна. — Маруся. Спасибо.

Прутья шевельнулись ещё раз и тихо уехали обратно в зал.

* * *

Спать на втором этаже было холодно, и они решили лечь внизу, на широкой лавке у печи, в куче одеял. Печь была холодная, но лежать рядом с ней было как рядом с большим спящим зверем: ты его не трогаешь, а он всё равно тут.

Тася долго ворочалась.

— Мам. Спой.

— Что спеть?

— Нашу. Про туман.

Ульяна легла на бок, обняла дочь поверх одеяла и запела. Голос у неё был негромкий, не певческий, немного хриплый от холода. Эту песню пела ей бабушка Лида, когда Уля оставалась у неё ночевать в старой квартире на Петроградской. Откуда бабушка её взяла, никто не знал. В детстве Уле казалось, что бабушка её сочинила.

Ходит туман по воде,

ходит, не знает где,
где у кого что пропало,
где чего не хватало.
Спи, моя ласточка, спи,
печка тепло стережёт.
Всё, что туман унесёт,
утром домой придёт.

На словах «печка тепло стережёт» в печи что-то щёлкнуло.

Ульяна замолчала. Тася приподнялась на локте.

Из-за заслонки шёл свет, тонкий и рыжий, как нитка. Он дрожал и тянулся вверх, а потом, в тишине, начал съёживаться. Нитка стала волоском. Волосок мигнул.

— Пой! — Тася вцепилась ей в рукав. — Мама, не останавливайся, он гаснет!

Ульяна набрала воздуха и запела снова, с первой строчки, громче, чем умела, и голос у неё сорвался на «ходит, не знает где». Она не стала прокашливаться. Пела хрипло, мимо нот, вцепившись в одеяло, как в перила. На второй строфе волосок перестал мигать. На «утром домой придёт» внутри печи с тихим довольным гулом вспыхнуло пламя. Без спичек и без бересты. Поленья, которые Ульяна вчера так и бросила колодцем, занялись разом, затрещали, и через щели заслонки на пол легли рыжие полосы света.

— Ещё раз, — шепнула Тася. — На всякий случай.

Ульяна спела ещё раз, на всякий случай, уже тихо.

Пахнуло печным теплом, густым, с берёзой и смолой.

— Мама, — сказала Тася очень тихо. — Мама, он вылез.

Ульяна смотрела на печь и ничего не видела, кроме огня и тени на загнетке. Тень была маленькая, круглая, похожая на кота, сидящего столбиком. Но, может быть, это просто играли отблески.

Тася вылезла из-под одеяла, босиком прошлёпала к печи и остановилась перед загнеткой. Подняла лицо. Слушала.

— Он говорит, что мы пели неправильно, — сообщила она. — Во второй строчке надо «ходит и знает где». Раньше так пели. И что он хочет молока. Тёплого. С мёдом. А если мы ему опять холодное поставим, он обидится и уйдёт жить к Пышкину.

— Так и сказал?

Тася прислушалась.

— Нет, про Пышкина он сказал «лучше помру». Это я сама добавила, для понятности.

Ульяна засмеялась.

Она не собиралась. Смех вырвался сам, из того же места, откуда час назад шли слёзы. Она сидела в куче одеял, с мокрыми ещё ресницами, и смеялась над домовым, который придирается к колыбельной.

— Он говорит, что смеяться не над чем, — строго передала Тася, и Ульяна засмеялась ещё сильнее.

Потом она встала. Достала из холодильника молоко, согрела, развела мёд, поставила плюшку на загнетку. Плюшка постояла минуту. Когда Ульяна снова посмотрела на неё, она была пуста, а на краю осталась белая полоска, как от чьих-то усов.

* * *

В полночь они пекли плюшки.

Ульяна открыла тетрадь, и тетрадь открылась ей, на том же развороте. Она читала вслух, Тася отмеряла муку маленькой чашкой, мука летела на пол, на стол, на Тасин нос. Дрожжи пахли кисловато и живо. Молоко грелось в кастрюльке. Масло таяло. Корица стояла в банке с полустёртой надписью, и, когда Ульяна открыла крышку, кухня наполнилась запахом, от кото-

рого у неё зашипало глаза, потому что так пахло в квартире на Петроградской, у бабушки, по субботам.

— Закладка, — прочитала она. — «Свой смех, хоть один раз, пока месишь».

— Ты уже смеялась, — сказала Тася.

— Тогда я не месила.

Она погрузила руки в тесто. Тесто было тёплое, мягкое, липло к пальцам. Ульяна месила, как учила бабушка: от себя, складывая, поворачивая. Смеяться по заказу у неё не получалось. Она попробовала хихикнуть, вышло жалко.

Тася сидела на табуретке и болтала ногами, поглядывая на загнетку.

— Он говорит, — сообщила она, — что ты месишь так, будто тесто тебе денег должно.

Ульяна фыркнула.

— И что у бабы Груши руки были мягче. А у тебя руки бухгалтерские.

— Это какие?

— Он говорит, «которые всё время считают».

Тут Ульяна и засмеялась, над собой и над бухгалтерскими руками, громко, на всю кухню. Тесто под её ладонями вздохнуло и стало гладким, как Тасина щека после сна.

Плюшки поднимались в тепле почти час. Ульяна раскатала их, посыпала сахаром с корицей, свернула сердечками, как делала бабушка, и посадила в печь на железном листе. Огонь к тому времени прогорел, угли рдели, жар шёл ровный, правильный, и Ульяна понятия не имела, откуда она знает, что он правильный.

Тася уснула на лавке, не дождавшись. Ульяна сидела рядом, смотрела на заслонку и вдыхала запах, который поднимался из печи и заполнял кухню, зал, лестницу, весь дом. Корица, сливочное масло, горячее тесто. За окном в тумане что-то зашуршало, и ей показалось, что кто-то невидимый подхватил этот запах и понёс по улице вверх, к площади.

Когда плюшки зарумянились, она вынула лист и поставила на стол остывать. Они получились пышные, блестящие, с карамельными краями. Ульяна отломил кусочек от крайней, самой кривой, и положила в рот.

И услышала.

Голос шёл из печи. Ворчливый, скрипучий, низенький, будто говорил очень старый и очень недовольный дед, которого разбудили слишком рано.

— Корицы мало, — сказал голос. — И соль кто кладёт без приговорки? Тьфу. Учить вас ещё и учить.

* * *

Глава 4. Смех для почтальонши

Утром Ульяна проснулась в тепле и долго не могла в это поверить.

Печь дышала. От белёного бока шёл ровный жар, на лавке было уютно, как в гнезде, одела пахли дымком. Тася спала, раскинув руки, и на щеке у неё отпечаталась складка подушки. В кухне стоял запах вчерашних плюшек, корицы и тёплого кирпича.

Ульяна лежала и слушала. Ей казалось, что если она шевельнётся, всё исчезнет: тепло, запах, ворчливый голос из печи. Голос, к слову, был тут как тут.

— Встаёт она, — бормотал кто-то за заслонкой. — Солнце уж скоро встанет, а она лежит. Баба Груша в пять подымалась. Опару ставила. А эта лежит.

— Солнце тут встаёт в десять, — сказала Ульяна в потолок. — Я посмотрела.

За заслонкой замолчали. Потом голос сказал с некоторым удивлением:

— Слышит.

— Слышу.

— Ну, хоть так, — проворчал голос. — Вставай давай. Опару ставь. Печь сама себя не накормит.

Ульяна встала, накинула свитер (правильной стороной) и подошла к печи. Присела на корточки у загнетки. Плошка от молока стояла пустая. За заслонкой было темно, только угли тлели. Ей показалось, что в глубине что-то шевельнулось, круглое и пушистое, и сверкнули два глаза, как два уголька. Но, может быть, это и были угольки.

— Доброе утро, Ферапонт Печной, — сказала она.

— Доброе, — нехотя ответили из печи. — Молока не забудь. Тёплого.

* * *

Плюшки лежали на столе под льняным полотенцем. Их было двенадцать. Одиннадцать румяных сердечек и одна кривая, надкушенная, которую Ульяна вчера попробовала. Тетрадь лежала рядом, раскрытая на том же развороте.

«Плюшки для смеха. Для Зои».

— Кто такая Зоя? — спросила Ульяна, наливая себе чай.

Тася, ещё сонная, с какао в руках, повернулась к залу. Послушала.

— Маруся говорит, Зоя Мартыновна. Почтальонша. Она на почте сидит, у площади. И она Петькина бабушка. — Тася помолчала, слушая дальше, и брови у неё поползли вверх. — Маруся говорит, что Зоя не смеётся уже три года. С тех пор, как Петькин папа уехал и они поругались. И что Зоя раньше смеялась так, что у неё в окна стёкла звенели. А теперь только «здрасьте» и «распишитесь».

— Откуда Маруся всё это знает?

Тася спросила. Выслушала ответ. Хихикнула.

— Говорит, она шестьдесят лет подметает крыльцо и слышит всё, что говорят на улице. И что ты слишком много вопросов задаёшь для человека, который ещё её не слышит.

Ульяна посмотрела в угол. Метла стояла с независимым видом.

— Справедливо, — признала Ульяна.

* * *

Почта помещалась в низком жёлтом доме с белыми наличниками, на углу площади. Над крыльцом висел синий ящик для писем и табличка с часами работы. Часы работы были указаны обычные, с девяти до шести. Ульяна задумалась, по каким часам их считают.

Внутри было тепло и пахло сургучом, клеем и старой бумагой. За стойкой с решётчатым окошком сидела женщина лет шестидесяти, худая, прямая, в сером вязаном жакете, с седыми волосами, собранными в тугий узел. Очки на цепочке. Губы сжаты в нитку. Перед ней лежала стопка конвертов, и она сортировала их быстрыми точными движениями, не поднимая глаз.

Перед окошком стоял старик в ватнике и терпеливо ждал.

— Пенсия будет в четверг, Тимофей Палыч, — сказала женщина ровным голосом. — Как всегда.

— А сегодня какой?

— Сегодня вторник.

— А по ратуше?

— По ратуше тоже вторник. Ратуша дни не трогает, только часы.

Старик вздохнул и ушёл. Женщина подняла глаза и увидела Ульяну с Тасей. Взгляд у неё был цепкий, но пустой, как будто она смотрела сквозь стекло, за которым ничего не происходит.

— Слушаю вас.

— Здравствуйте, — сказала Ульяна. — Я Ульяна Кострова. Внучатая племянница Аграфены Ильиничны.

— Знаю, — сказала Зоя Мартыновна. — Весь город знает. Вам письмо?

— Нет. Я... — Ульяна протянула свёрток, завернутый в полотенце. — Я вам принесла. Плюшки. Из «Жёлтого фонаря».

Зоя Мартыновна посмотрела на свёрток. Посмотрела долго. Пальцы её, сортировавшие конверты, остановились.

— Груша мне по пятницам плюшку оставляла, — сказала она тихо. — Одну. С корицей. Раньше я их съедала прямо на крыльце, горячими. А последние три года ни разу. Каждый раз Петьке отдавала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.